

**Символ «религиозных предрассудков» в советском обществе:
мотив иконы в повести В. Ф. Тендрякова «Чудотворная»**

В статье анализируется способ представления мотива иконы в повести советского писателя-деревенщика В. Ф. Тендрякова «Чудотворная» (1958). Доказывается, что икона указана автором как некий символ «религиозных предрассудков», с которыми борется советская власть. Устанавливается связь между произведением и антирелигиозной пропагандой хрущевской эпохи.

Ключевые слова: В. Ф. Тендряков, «Чудотворная», икона, мотив иконы, Н. С. Хрущев, антирелигиозная пропаганда.

Dorota Walczak

**The Symbol of "Religious Prejudice" in Soviet Society: the Motive of the Icon
in the Story by Vladimir Tendryakov "Miraculous"**

The article analyzes the way of representing the motif of the icon in the story by the Soviet village writer Vladimir Tendryakov "Miraculous" (1958). It is proved that the icon is indicated by the author as a kind of symbol of "religious prejudices" that the Soviet regime is fighting against. A connection is established between the work and the anti-religious propaganda of the Nikita Khrushchev's era.

Key words: Vladimir Tendryakov, "Miraculous", icon, icon motif, Nikita Khrushchev, anti-religious propaganda.

В классической русской литературе XIX – начала XX веков икона, согласно православному богословию иконы, воспринимается как место встречи человека с Богом и символ православия как такового. Для многих авторов этого времени, в том числе для Ф. М. Достоевского, отношение литературного персонажа к иконе всегда было равнозначно его отношению к Богу, к Божественной реальности [9, с. 85]. Положительный герой должен был быть там иконопочитателем, а иконоборец всегда выступал в роли отрицательного персонажа.

После октябрьской революции вся эта – довольно простая – литературная картина мира изменилась на 180 градусов. Отношение к иконе и в дальнейшем

осталось показателем отношения литературного персонажа к религии как таковой, но в советский период в положительные герои записывались уже отнюдь не те, кто чтит иконы, а как раз те, кто их уничтожал и высмеивал. Икона в качестве символа православия вдруг стала символом «религиозных предрассудков», которые, как писал К. Маркс, являются «опиумом для народа» и которые так ярко принялась искоренять новая «просвещенная» большевистская власть. С таким отношением к иконе мы сталкиваемся, например, в романе «Созревание плодов» (1935) Б. А. Пильняка. Здесь, правда, иконы никто не уничтожает, но автор хвалит палехских мастеров-миниатюристов за то, что порвали с «никому не нужным» иконописным делом и вместо него занялись созданием нового художественного ремесла [5, с. 343].

Мотив иконы играет главную роль также и в нашумевшей антирелигиозной повести писателя-деревенщика Владимира Федоровича Тендрякова «Чудотворная» (1958), экранизированной в 1960 г. В. Н. Скуйбиным на киностудии «Мосфильм» и вызвавшей очень живую реакцию читателей и зрителей. Действие этого тенденциозного произведения разворачивается вокруг мальчика, случайно нашедшего чудотворную икону и подвергнувшегося насилию со стороны бабушки-фанатички.

В настоящей статье проведем подробный анализ способа изображения иконы в «Чудотворной», попытаюсь доказать, что икона изображена там как некий собирательный символ тех «религиозных предрассудков», т. е. религиозных представлений, с которыми официально боролась (или намерена была бороться) советская власть. В дальнейшем мы также постараемся установить связь между появлением повести и второй «хрущевской» антирелигиозной кампанией в СССР (1954–1964).

Главный герой повести Тендрякова – двенадцатилетний деревенский паренек Родька (Родион) Гуляев. Родька живет в селе Гумнищи вместе с матерью и бабушкой. В семье нет отца – он ушел от жены и сына. Мать мальчика, Варвара – тихая забитая женщина, которая боится жизни и чувствует себя виноватой в том, муж ее бросил. Бабушка, называемая в деревне «старой Грачихой», – настоящий домашний тиран, терроризирующий и дочь, и внука. Женщина очень религиозна, ее дом полон икон, но, как ни странно, религиозное воспитание Родьки изначально вообще ее не интересовало. Не совсем понятно даже, был ли тот крещен. Бабка до двенадцати лет не заставляла внука носить крест и ходить в церковь. Эта ситуация резко меняется, когда Родька случайно находит старую икону, в народе считавшуюся чудотворной.

В один летний день мальчик ловил рыбу на реке, когда увидел какой-то странный предмет, торчащий из песка. Родька сначала был уверен, что нашел

клад и сильно разочаровался тем, что это был только ящик со спрятанной внутри иконой: *«Большая, темная, словно закопченная, доска, и больше ничего! Родька с разочарованием и недоумением ее разглядывал, поворачивал перед собою то на одну, то на другую сторону. На прокопчено-грязной стороне он разглядел два глазных белка: на доске кто-то был нарисован. Спустившись к воде, Родька старательно вымыл доску ладонью. Доска мокро заблестела, но темные краски от этого проступили лишь чуть-чуть отчетливее. По-прежнему не столько сами черные глаза, сколько белые глазные яблоки с какой-то угрюмой нелюдимостью уставились мимо Родьки.*

Постепенно Родька разглядел, что глаза и едва проступившая борода соединялись длинным, прямым, как тележный квач, носом. Разглядел Родька все лицо – вытянутое под стать носу, узкое, с двумя редкими морщинами от ноздрей, разглядел полукружие над головой и понял: он просто-напросто нашел икону.

Невелик клад. Такого добра у бабки целый угол» [7, с. 213].

Обратим внимание на описание иконы с перспективы мальчика: для него она выглядит немного зловеще, так как белки глаз на черной поверхности доски создают странное впечатление чьего-то грозного взгляда. Конечно, нет ничего неестественного в том, что икона темна: олифа, которой покрывают образа, имеет свойство чернеть от пыли и дыма свечей. В том, что Родьке кажется, будто святой на иконе смотрит на него, тоже не является странным, поскольку иконы нарочно писались таким образом, чтобы молящемуся перед ними человеку казалось, будто образ на него смотрит. Однако Родька с самого начала воспринимает икону как что-то (или, скорее, кого-то) угрожающего и по мере событий, вызванных появлением иконы, это впечатление будет только усиливаться.

Несмотря на пережитое разочарование, мальчик решил похвастаться странной находкой перед матерью и бабушкой. Когда Родька объявил, что нашел в прибрежном песке икону, старая Грачиха не хотела ему поверить, приговаривая: *«Вечно проказы. Иисусе Христе, святые иконы под берегом валяются. Ой, Родька, на мать-заступницу не погляжу...» [7, с. 216].*

Только когда старушка наконец увидела найденный внуком образ своими глазами, она признала в нем чудотворную икону св. Николая, которая пропала из местной церкви в конце 1920-х годов: *«Свят, свят... Иисусе Христе праведный... Варенька [мать Родьки Варвара. – Д. В.], голубушка, взгляни-ка, взгляни. Ох батюшки! Ведь это, милые, чудотворная с Николы Мосты...» [7, с. 216].*

Когда Варвара назвала икону «пропащей», Грачиха сразу на нее накинулась: в ее представлении образ был «новоявленным», чудесным образом вновь обретенным [7, с. 216]. Ведь в православии чудесное появление иконы является одним из главных элементов ее «чудесности». Когда бабушка побежала к дому с иконой, Родька еще не подозревал, что «находка» перевернет его жизнь вверх ногами и сделает ее невыносимой, так как он подвергнется насилию со стороны религиозных фанатиков (и в особенности – фанатичек). Вернувшись вечером домой, мальчик встретил там уже толпу стариков и старух, собравшихся для молитвы вокруг найденного им образа: *«Икона, принесенная Родькой, стояла уже в углу, перед ней горели несколько тонких, как карандаши, свечек. Старик с иконы с суровым отчуждением встретил Родьку своими выкаченными белками, направленными вверх свечных огоньков и голов гостей»* [7, с. 219].

Стоит обратить внимание на подчеркнута грозный вид изображенного на иконе св. Николая – мальчику кажется, что угодник смотрит на него устрашающим взглядом. Не только взгляд иконы является угрожающим. Мальчик, к своему удивлению и ужасу, замечает, что все присутствующие уже считают его избранником Божиим, уверяя, что только невинный и чистый сердцем мальчик может найти чудотворную икону, в чем убеждает их также местная легенда об отроке Пантелеймоне, которому будто бы когда-то явился вновь обретенный образ: *«Счастье тебе, Варварушка... Сынок-то! – Жеребиха [одна из старушек. – Д. В.] оглядывалась на Родькину мать. – Второй отрок Пантелеймон. Как есть второй Пантелеймон-заступничек. Господня воля на то. В або какие руки чудотворная икона не попадает...»* [7, с. 219].

Родька, воспитанный в атеистической советской школе и до сих пор не очень сталкивавшийся с религиозными обрядами (что по крайней мере странно, учитывая факт, что его бабка впоследствии оказывается религиозной фанатичкой), воспринимает икону как что-то грозное, чужое, пугающее: *«А в темном углу избы, скупо освещенном крошечными свечными огоньками, молчаливо возвышалась икона: на черной доске белели глазные яблоки»* [7, с. 220].

И вправду, ему было чего бояться: после находки иконы бабушка резко переменила отношение к внуку – если раньше она не обращала абсолютно никакого внимания на религиозное воспитание Родьки, то теперь вдруг захотела, чтобы тот надел на шею крест, утверждая, что мальчик – Божий избранник и нельзя ему ходить без креста: *«Не мне, небось, не бабке Жеребихе чудотворная открылась. И не выдумывай ягодка, господа-то гневить непослушанием»* [7, с. 231]. Мальчик отчаянно сопротивлялся планам бабушки, зная, что, если явится в класс с крестом на шее, школьные товарищи его засмеют [7, с. 231].

Грачиха не обращала внимания на аргументы внука. Варвара пробовала было вступить у матери за сына, но не получилось. Когда мальчик сказал, что если знал бы, как отреагируют на находку его близкие, выбросил бы икону в реку, взбешенная бабушка избила его ремнем и запретила идти в школу, пока он не согласится надеть крест на шею [7, с. 233].

Родька действительно пошел в школу с крестом на шее, но, осмеянный товарищами, сразу его выбросил [7, с. 251], что вызвало гнев бабки. В скором времени на сторону Родьки встает также и школьная учительница, Прасковья Петровна, активно пытавшаяся «спасти» мальчика от бабки-фанатички. Прасковья Петровна – активная коммунистка и атеистка, «тридцать лет учившая гумнищинских ребятишек» [7, с. 261]. Учительница считает своим долгом помочь своему подопечному и с этой целью отправляется в дом старой Грачихи, где встречается с местным священником, отцом Дмитрием, и проводит с ним и с бабушкой Родьки беседу на тему «свободы вероисповедания».

Грачиху учительница убеждает, что принуждение к вере может испортить жизнь ребенку: *«Школа учит одному, семья же – совсем другому. Или школа заставит мальчика отказаться от бога, или семья сделает из него святошу. В наше время середины быть не может. А пока будет идти спор, два жернова могут перемолоть, перекалечить жизнь ребенка. Пусть родители веруют, как хотят и во что хотят, но не портят мальчику будущего. Его будущее принадлежит не только им»* [7, с. 266–267].

Почти то же, но сильнее, учительница повторяет и матери Родьки: *«... Губишь парня, Варвара. Мать ты ему или мачеха? <...> Ведь он пять лет проучился в советской школе, а ему и всего-то навсего двенадцать. Почти половину жизни его учили, что бога нет. Товарищи его смеются над баснями о чудотворных иконах, о Пантелеймонах-Праведниках. Неужели тебе хочется, чтоб и сын твой был посмешищем?»* [7, с. 270].

Как видим, аргументация Прасковьи Петровны против того, чтобы втягивать Родьку в религиозные обряды, опирается на мнимое «общественное мнение» и, по сути, тоже довольно примитивна, ее можно свести к утверждению, что если мальчик станет верующим, его, как фанатика, исключат из советского общества, и у него не будет никакого будущего, что ведь принципиально противоречит той «свободе вероисповедания», о которой только что так разглагольствовала Прасковья Петровна.

Сама Прасковья Петровна на самом деле только усугубляет ситуацию, дополнительно настраивает мальчика против бабушки и старается его забрать из семьи. В результате давления с двух сторон – религиозной фанатички-бабки и атеистки-учительницы – мальчик решается на отчаянный шаг: он разбивает

икону, ставшую первоначальной причиной его мучений и, избитый бабушкой половинкой иконы, бросается в реку, чтобы утопиться [7, с. 327]. К счастью, Родька выжил, но неизвестно, как сложилась его дальнейшая судьба и отношения с бабушкой и матерью, в корне испорченные несчастной иконой.

Как справедливо замечают А. А. Хлебов и Ю. В. Белоусова, это разрыв между обычной жизнью советского ребенка и религиозной атмосферой дома привел Родьку к внутреннему кризису [8, с. 102].

Икона св. Николая в «Чудотворной» на самом деле изображена как «антиикона», некий языческий, темный идол, которого не случайно боится мальчик Родька. Родьке все время кажется, что икона грозно на него смотрит, следит за ним взглядом. Она не только не укрепляет веру (ведь мальчик никогда и не верил) и не является посредником в общении человека с Богом, она – идеальный символ или воплощение тех самих «религиозных предрассудков», искоренять которые большевики хотели уже с первых лет революции.

Заметим, что год написания «Чудотворной» вовсе не случайно приходится на самый разгар второй антирелигиозной кампании в СССР (первая пришла на 1920-е годы), начатой еще в 1954 г. и продолжаемой первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым. В отличие от первой, послереволюционной, в ходе этой кампании особую роль играли люди культуры и науки [6, с. 126] – писатели, художники, врачи, а также учителя, в частности, естественнонаучных дисциплин. Главной задачей последних стало убеждение своих подопечных в несуществовании Бога [2, с. 114]. Именно такой учительницей-наставницей и является Прасковья Петровна из «Чудотворной», на протяжении книги борющаяся за душу своего ученика с его полоумной бабушкой-фанатичкой и ее сторонницами. Как ни странно, если учесть, что речь идет об антирелигиозном произведении, это их необычное соперничество целиком выдержано здесь в конвенции средневекового моралите, где неокрепший молодой человек – здесь даже мальчик – должен избрать один из двух возможных жизненных путей: или остаться на стороне бабушки и ее отживших сподвижниц, или закончить школу и стать «обычным» советским человеком. Родион выбирает второй путь, а его бунт против «бабушкиных предрассудков» принимает форму иконоборчества.

Также и в классической русской литературе бунт против Бога иногда выражался в уничтожении или оскорблении икон (Андрей Версиров в «Подростке» Ф. М. Достоевского, цирюльник Фомка в «Антихристе» Д. С. Мережковского), но в отличие от произведений советской литературы, которая, как мы говорили, плохо относилась к религии как таковой, акты иконоборчества всегда расценивались там сугубо отрицательно. Здесь мальчик-иконоборец

вырастает до героя, нового человека, который в состоянии был противостоять религиозному «насилию» со стороны сумасшедших старух.

Необходимо помнить о том, что в антирелигиозной литературе этого периода главным методом изображения верующих людей является описание их суеверии и пороков, в том фанатизма и жажды наживы [4, с. 2173]. Несмотря на всю тенденциозность повести, необходимо заметить, что, действительно, немалая часть православных, живущих в СССР, уходила в сектантский фанатизм. По мнению В. П. Ключевой, в советском обществе хрущевской поры сформировались две главных ориентации – одна была нацелена на «социализацию», а вторая – на полную «изоляцию» от мира [3, с. 147]. «Изоляционисты» старались избегать каких-либо контактов с окружающим миром, считая его злым и греховным, разлагающимся. Примерно так ведет себя старая Грачиха и ее товарки. Необходимо согласиться с Ю. В. Ивановым, справедливо заметившим, что главным носителем фанатизма в «Чудотворной» является во все не довольно хорошо приспособившийся к советской действительности и равнодушный к религиозным вопросам священник, отец Дмитрий, а именно деревенские старушки, которых можно рассматривать как символ уходящего прошлого, давних предрассудков, которые должно уничтожить молодое поколение, рожденное уже в Советском Союзе [1, с. 53].

Список литературы

1. Иванов Ю. В. Образы священнослужителей и верующих в отечественном кино // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI вв. Материалы XVI Международной конференции: в 2 ч. Иваново, 2017. С. 51–56.
2. Калкова К. А. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1950–1960-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 5 (49). С. 113–132.
3. Ключева В. П. «В настоящее время религия переживает серьезный кризис...»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3. С. 29–32.
4. Ломоносов М. Д. Приемы и методы атеистической пропаганды в системе образования при Н.С. Хрущеве (1954–1964 гг.) // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сборник материалов научно-практических конференции. 2019. С. 2170–2176.
5. Пильняк Б. А. Сочинения в трех томах. М.: Издательский дом «Лада М», 1994. Т. 2. 623 с.
6. Полозова К. А., Федоров А. А. Роль интеллигенции в проведении антицерковных репрессии в 1958–1964 гг. // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 125–133.
7. Тендряков В. Ф. Чудотворная // В. Ф. Тендряков. Не ко двору. Ухабы. Чудотворная. Суд. М.: Время-Классика, 2019. 448 с.
8. Хлебов А. А., Белоусова Ю. В., Образ православия в советской и российской культуре XX – начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(88). С. 99–106.

9. Jewdokimow D. Człowiek przemieniony. Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego, Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2009. 238 s.

References

1. Ivanov Yu. V. *Obrazy svyashchennosluzhiteley i veruyushchikh v otechestvennom kino* [Images of priests and believers in Russian cinema] *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv. Materialy XVI Mezhdunarodnoy konferentsii: v 2 chastyakh* [State, society, Church in the history of Russia XX–XXI centuries. Materials of the XVI International Conference: in 2 parts] Ivanovo, 2017. Pp. 51–56 (In Russian).

2. Kalkova K. A. *Ateisticheskaya propaganda v khudozhestvennoy literature 1950–1960-kh gg.* [Atheistic propaganda in fiction of the 1950–1960s.] *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy] 2013. № 5 (49). Pp. 113–132 (In Russian).

3. Klyuyeva V. P. «*V nastoyashcheye vremya religiya perezhivayet ser'yeznyy krizis...*»: *reaktsiya sovetskikh veruyushchikh na antireligioznuyu propagandu* ["At present, religion is in a serious crisis ...": the reaction of Soviet believers to anti-religious propaganda] *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography] 2015. № 3. Pp. 29–32 (In Russian).

4. Lomonosov M. D. *Priyemy i metody ateisticheskoy propagandy v sisteme obrazovaniya pri N.S. Khrushcheve (1954–1964 gg.)* [Techniques and methods of atheistic propaganda in the education system under Nikita Khrushchev (1954–1964)] *Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovyykh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Days of Science of Students of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs. Collection of materials of scientific and practical conferences] 2019. Pp. 2170–2176 (In Russian).

5. Pil'nyak B. A., *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in three volumes] Moscow: Izdatel'skiy dom «Lada M», 1994. T. 2. 623 p. (In Russian).

6. Polozova K. A., Fedorov A. A. *Rol' intelligentsii v provedenii antitserkovnykh repressii v 1958–1964 gg.* [The role of the intelligentsia in carrying out anti-church repression in 1958–1964] *Intelligentsiya i mir* [The intelligentsia and the world] 2014. №1. Pp. 125–133 (In Russian).

7. Tendryakov V. F. *Chudotvornaya* [Miraculous] *V. F. Tendryakov. Ne ko dvoru. Ukhaby. Chudotvornaya. Sud* [Not to the court. Bumps. Miraculous. Court] Moscow: Vremya-Klassika, 2019. 448 p. (In Russian).

8. Khlebov A. A., Belousova Yu. V. *Obraz pravoslaviya v sovetskoy i rossiyskoy kul'ture XX – nachala XXI veka* [The image of Orthodoxy in Soviet and Russian culture of the XX – early XXI century] *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice] 2018. № 2(88). Pp. 99–106 (In Russian).

9. Jewdokimow D. *Człowiek przemieniony. Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego* [A changed man. Fiodor M. Dostojewski towards the tradition of the Eastern Church, Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2009. 238 p. (In Polish).